

RU

Выбор значения категории одушевлённости для сочетания «юридическое лицо» в деловом медиадискурсе

Буторина Е. П.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении связи значения категории одушевлённости сочетания «юридическое лицо» с видами актуального знания в деловом медиадискурсе. Научная новизна работы заключается в том, что изучается связь значения одушевлённости как грамматической категории, проявляющейся в словоизменении и синтаксическом согласовании, с когнитивными категориями, а именно видами знания, актуализирующимися в том или ином контексте. Значение категории одушевлённости самостоятельно определяется говорящим для непрототипических случаев представления носителя языка о живом или неживом и поэтому не всегда опирается на очевидные критерии. Рассмотрена связь значения одушевлённости, выбираемого говорящим в узусе, с кодовым или специфичным знанием. Кодовое знание при этом понимается как знание о значении слова, специфичное - как знание об истинности определённой пропозиции и правилах заполнения её термов. В результате установлена связь между значением категории одушевлённости сочетания «юридическое лицо» и видами знания: показатели неодушевлённости встречаются в контекстах, реализующих кодовое знание, показатели одушевлённости характерны для случаев актуализации специфичного знания. Зафиксированы также случаи варьирования.

EN

Choosing the Meaning of the Animacy Category for the Collocation «юридическое лицо» in Business Media Discourse

Butorina E. P.

Abstract. The purpose of the research is to determine the relationship between the meaning of the animacy category of the collocation «юридическое лицо» (“juridical person”) and the types of actual knowledge in business media discourse. Scientific novelty of the work lies in studying the relationship between the meaning of animacy as a grammatical category manifested in inflection and syntactic agreement and cognitive categories, namely, types of knowledge that are actualised in a particular context. The meaning of the animacy category is independently determined by the speaker for the non-prototypical cases of a native speaker’s idea of animate or inanimate objects and, therefore, does not always rely on obvious criteria. The relationship between the meaning of animacy chosen by the speaker in the usage and code knowledge or specific knowledge is considered. At the same time, code knowledge is understood as the knowledge about the meaning of a word, specific knowledge is understood as the knowledge about the truth of a certain proposition and the rules for filling in its terms. As a result, the relationship between the meaning of the animacy category of the collocation «юридическое лицо» and the types of knowledge has been determined: inanimacy indicators are found in the contexts that realise code knowledge, animacy indicators are peculiar to the cases of specific knowledge actualisation. Cases of variation have also been noted.

Введение

Актуальность исследования заключается в изучении связей грамматических и когнитивных категорий для построения соответствующего раздела ассоциативной грамматики. Под ассоциативной грамматикой понимается такой способ представления грамматических фактов и закономерностей, который ставит своей

целью отразить их представление в сознании носителя языка (Караулов, 2018, с. 5). На примере сочетания *юридическое лицо* изучаются механизмы выбора значения грамматической категории одушевлённости в не-прототипических случаях представления о живом/неживом объекте.

Для выявления таких связей необходимо решить ряд задач: уточнить нормативное значение одушевлённости для сочетания *юридическое лицо* в современном русском языке; определить признаки актуализации кодового или специфичного знания в контексте употребления сочетания *юридическое лицо*; установить статистическую значимость соответствия того или иного вида знания определённому значению категории одушевлённости исследуемого сочетания. При решении этих задач используются, соответственно, метод контекстного анализа и метод подсчёта критерия согласия Пирсона (хи-квадрат распределения). В качестве материала для исследования послужили результаты поиска по Национальному корпусу русского языка (URL: <https://ruscorpora.ru>; далее – НКРЯ).

Решение поставленных задач исследования стало возможным благодаря теоретической базе, представленной трудами, которые посвящены категории одушевлённости в русском языке (Бондарко, 1971; Володин, 2001; Русакова, 2013; Фролова, 2014), принципам описания ассоциативной грамматики русского языка как основы речемыслительной деятельности (Залевская, 1985; Караулов, 2018), видам актуального знания в предложении (Йокояма, 2005).

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в образовательных программах гуманитарного направления при изучении медиадискурса, в преподавании русской грамматики и практической стилистики. Полученные данные могут найти применение для разработки учебных пособий по русскому языку как иностранному.

Основная часть

Категория одушевлённости может быть отнесена к когнитивной составляющей дискурса, поскольку отражает знания участников коммуникации о членении объектов окружающего мира на живые и неживые. Помимо представленности в семантике слова, её значения могут быть выражены грамматическими средствами, проявляясь в словоизменении и синтаксическом согласовании. Например, в русском языке одушевлённость/неодушевлённость проявляется в выборе окончания существительного в винительном падеже множественного числа: для грамматически одушевлённых существительных эта падежная форма омонимична форме родительного падежа, для грамматически неодушевлённых – совпадает с формой именительного; а также при согласовании с ним прилагательного (причастия, порядкового числительного или некоторых разрядов местоимений).

Исследователи отмечают «расширение сферы одушевлённости путём метафоры и персонификации» и предпочтение выбора «одушевлённых (а среди них – личных) имён для определения синтаксических функций, например, подлежащего» (Виноградов, 1990, с. 342-343). Подобные явления могут приводить к сбоям в выборе значения одушевлённости, особенно если речь идёт о непрототипических случаях. Обратим внимание на один из них.

В деловом дискурсе, который находит своё отражение в медиатекстах, часто используются составные номинации, среди них сочетание *юридическое лицо*, в котором слово *лицо* употребляется в непрямом значении, образованном путём использования механизма метафорического переноса (скорее даже метафтонимического). Обращает на себя внимание тот факт, что в текстах сочетание *юридическое лицо* встречается с разными показателями категории одушевлённости: винительный падеж множественного числа может выглядеть и как *юридические лица*, и как *юридических лиц*. Рассмотрим примеры.

(1) Дело в том, что с 1 июля арестовывать преступников будут по-новому – на основании судебного решения, а регистрировать **юридические лица** – в одном окне, «расположенном» в МНС (Мязина Е. Суэта вокруг бюджета. Депутаты хотят расширить список резервов // Известия. 18.06.2002).

(2) Нарушение установленного порядка открытия счетов (вкладов) в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей; на должностных лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; **на юридических лиц** – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей (Форум: депозитный договор в иностранном банке (2010-2011)).

Возможно, одно из этих употреблений просто ошибочно или разные значения одушевлённости связаны с разными значениями одной номинации. Для проверки этих предположений обратимся к словарям.

Словарь С. И. Ожегова (Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. С. 329) в статье ЛИЦО для сочетания *физическое лицо* предлагает толкование «правоспособный человек», а *юридическое лицо* там же определяется как «самостоятельная организация, обладающая имущественными и другими гражданскими правами и обязанностями», то есть для сочетания *юридическое лицо* фиксируется только одно лексическое значение, а грамматическое значение категории одушевлённости при этом не указывается. Уточним значение этой категории для слова *лицо* по грамматическому словарю А. А. Зализняка (Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2022. С. 524). Здесь можно видеть два случая: 1) *лицо* – слово среднего рода, неодушевлённое для значений «облик, наружная сторона, грамматическая категория» и 2) *лицо* – среднего рода, одушевлённое со значением «человек».

Таким образом, для значения «человек», реализуемого в сочетании *физическое лицо*, показатель категории одушевлённости приводится в грамматическом словаре, в то время как для сочетания *юридическое лицо* ни лексическое, ни грамматическое значения в словаре А. А. Зализняка вообще не представлены. Следовательно, наше предположение о том, что одно из двух грамматически выраженных значений категории одушевлённости сочетания *юридическое лицо* в приведённых примерах – это ошибка, не подтвердилось, поскольку в авторитетных источниках не зафиксирована нарушаемая этой ошибкой норма. С разными лексическими значениями обсуждаемой номинации различие в грамматическом оформлении, по-видимому, тоже не связано, поскольку в толковом словаре у неё только одно значение, а в грамматическом словаре значение слова *лицо* в сочетании *юридическое лицо* вообще не отражено.

Достаточно часто можно встретить контексты, в которых сочетания *физическое лицо* и *юридическое лицо* употребляются вместе. В таких случаях наблюдается как уподобление сочетания *юридическое лицо* сочетанию *физическое лицо* по значению категории одушевлённости:

(3) *Надеюсь, на первом этапе правительство хотя бы уравнивает физических и юридических лиц при ввозе подержанных иномарок* (Меньших П., Каданников В. В Тольятти придут инвесторы... // За рулем. 15.05.2003), – так и оформление сочетания *физическое лицо* с грамматическим показателем одушевлённости, а термина *юридическое лицо* как неодушевлённого:

(4) *По итогам работы за 2003 г. на юридические лица пришлось 22% от общего объёма, а на физических – 78% (без права на ошибку* // Мир & Дом. Residence. 15.04.2004).

На основе рассмотрения подобных случаев можно предположить, что в русском языке существует свободное варьирование сочетания *юридическое лицо* по показателю грамматической одушевлённости, которое пока не завершилось окончательной победой ни одного из конкурирующих вариантов. Исследователи причисляют вариативность к фундаментальным свойствам языковой системы, которое проявляется в её функционировании, вариантность при этом понимается как «присущая языку способность к образованию изменений, модификаций одной и той же языковой единицы на разных уровнях языка» (Граудина, 2003, с. 104). Варианты определяются как «видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остаётся сама собой» (Солнцев, 1990, с. 80).

В качестве материала для проверки предположения о вариативности значения категории одушевлённости сочетания *юридическое лицо* использованы контексты из основного корпуса НКРЯ, полученные путём поиска точных падежных форм множественного числа словосочетания, совпадающих, соответственно, с формами именительного или родительного падежа: *юридические лица* или *юридических лиц*. Проведён анализ количественных, языковых и прагматических характеристик материалов выдачи. Всего рассмотрено 1781 вхождение интересующего нас сочетания в 594 документа, после исключения случаев падежной омонимии число контекстов, в которых сочетание *юридическое лицо* употреблено в винительном падеже, составило 117.

Полученные результаты комплексного анализа позволяют говорить о том, что случаи свободного варьирования среди рассмотренных примеров составляют довольно незначительное число – менее 7%. Остальные контексты употребления обсуждаемого сочетания различаются по ряду признаков. Одним из таких признаков является вид актуализируемого в высказывании знания.

На основании наблюдений может быть выдвинута следующая гипотеза: выбор грамматических показателей одушевлённости для сочетания *юридическое лицо* связан с особенностями знания адресанта о предмете общения, которые он стремится передать адресату.

Когнитивная модель дискурса учитывает несколько видов знаний, которые актуализируются в речи. Выбор того или иного вида знания, в свою очередь, оказывает влияние на характеристики языковых единиц высказывания. Мы рассмотрим лишь некоторые из них для интерпретации предпочтений в выборе значения категории одушевлённости сочетания *юридическое лицо* в анализируемых контекстах, опираясь на определения, которые предложила для этих терминов О. Б. Йокояма (2005).

Знание кода понимается как владение значением той или иной номинации (Йокояма, 2005, с. 30-31). Кроме такой разновидности знания, могут быть выявлены его специфичные виды. Мнение говорящего об истинности пропозиций, которые «содержат полнозначные предикаты (например, пропозиции [[кто-то где-то преподаёт]], [[кто-то является кем-то]] или [[кто-то куда-то уехал]])... будем называть **пропозициональным знанием** (propositional knowledge), а знание, которое позволяет говорящему осуществлять в таких пропозициях подстановку специфичных термов вместо неизвестных типа “куда-то”, назовём **специфицирующим знанием** (specificational knowledge) (выделено автором. – Е. Б.)» (Йокояма, 2005, с. 37). Обе разновидности: и пропозициональное, и специфицирующее – автор относит к специфичному знанию.

Рассмотрим контексты употребления сочетания *юридическое лицо* в массиве выдачи по запросу в НКРЯ с точки зрения передаваемого в них вида знания.

Обращает на себя внимание особенность большинства контекстов, в которых это сочетание оформлено как неодушевлённое. Прежде всего это случаи, описывающие преобразование предприятий, организаций, структур и т.п., то есть неодушевлённых объектов, в юридическое лицо:

(5) *Позитивно оценивается и преобразование части общественных предприятий в самостоятельные административные юридические лица, поскольку это должно привести к большей открытости и ответственности в их деятельности* (Неспешные шаги административной реформы в Японии // Проблемы Дальнего Востока. 30.12.2002).

Или случаи, помещающие сочетание *юридическое лицо* в ряд однородных членов с предшествующим или последующим обобщением, которое выражено неодушевлённым именем существительным (*предприятие, организация* и др.):

(6) *К таким правилам отнесены: получение увольняющимся согласия лица, имеющего право кадрового контроля; транспарентность; запрет на определённый период заниматься делами, касающимися лицензий, дотаций, контрактов в сфере прежней служебной деятельности; введение наказаний за нарушение этого запрета; меры по снижению особой привлекательности материальных условий перехода чиновников на руководящие в особые юридические лица и другие общественные предприятия* (Неспешные шаги административной реформы в Японии // Проблемы Дальнего Востока. 30.12.2002).

В этих и подобных им случаях сочетание *юридическое лицо* выступает как единица кода, актуализируя кодовое знание о том, структуру с какими признаками обозначает термин *юридическое лицо*. Если необходимо уточнить такую кодовую единицу, то задаётся вопрос с местоимением *что?*: «Преобразовать во что?», «Оформить как что?», «Объединить во что?».

Например, для уточнения единицы дискурса из предложения задаётся вопрос: «Во что обособляются непрофильные и сервисные виды деятельности?»:

(7) *Прежде всего это обособление непрофильных и сервисных видов деятельности в отдельные юридические лица с их последующей государственной регистрацией* (Касаткин В., Ракитская Э. Ставка на сильных // Красноярский рабочий. 2003).

Поэтому выбор значения неодушевлённости соответствующей грамматической категории для сочетания *юридическое лицо* в таких контекстах выглядит вполне естественным. Такое же решение принимается, если речь идёт о поступлении на работу в юридическое лицо.

Если рассматривать возможность употребления сочетания *юридическое лицо* с актуализацией знания кода в позиции подлежащего, то в нашем материале встречается не так много подобных случаев: это либо толкование (*Юридическое лицо – это...*), либо пассивная конструкция (*Юридическое лицо понимается...*).

Иначе выглядят контексты, в которых выбор оформления этого сочетания сделан в пользу грамматических показателей одушевлённости.

Прежде всего можно видеть картину, в определённой степени симметричную той, которая представлена в примерах выбора показателя неодушевлённости, определяемого контекстом вхождения других неодушевлённых существительных: употребление сочетания *юридическое лицо* при логическом объединении с другими, на этот раз одушевлёнными существительными (или уподоблении им) увеличивает вероятность появления грамматического показателя одушевлённости и для этого сочетания:

(8) *Расширить в соответствии с действующим законодательством Вневедомственный экспертный совет по проблемам ВКО, приняв в его состав физических и юридических лиц, специализирующихся в области проблематики ВКО или имеющих значительный опыт работы в этой сфере* (Ходаренок М. Будущее воздушно-космического щита // Воздушно-космическая оборона. 15.04.2004).

В других случаях мы видим пропозиции, в которых активируются фреймы, допускающие употребление *юридическое лицо* в качестве субъекта действия (наряду с физическим лицом) и, соответственно, в позиции грамматического подлежащего или субъекта в свёрнутой конструкции. Например:

(9) *«Действия ЦБ РФ в конце прошлого года действительно подвигли юридических лиц как минимум диверсифицировать свои банковские счета», – отмечает председатель правления банка «Финам» Ирина Кулемина* (Повестка дня // Эксперт. 10.02.2014).

В приведённом контексте имеются в виду конкретные, хотя и не названные юридические лица, то есть передаётся специфичное знание, спецификация пропозиции потенциально возможна, если мы зададим уточняющие вопросы и получим ответы на них: «Подвигнуть кого сделать что?». Обращает на себя внимание тот факт, что носитель в этом случае спросит *кого?*, хотя в толковании соответствующего глагола (Ожегов, 1990, с. 531) в скобках указан и возможный вариант управления *что*: например, ответом на такой вопрос могут быть неодушевлённые существительные типа *персонал*, но версия с местоимением *что* оценивается носителями русского языка как менее вероятный вопрос о субъекте указанного действия из примера (9). Юридические лица в приведённом примере выступают как субъекты действия, обозначенного глаголом *диверсифицировать*, то есть в этом значении соответствующее сочетание можно употребить в позиции подлежащего, развернув эту конструкцию в самостоятельную (*Юридические лица диверсифицируют свои банковские счета*), разумеется, изменив его падеж с винительного на именительный. Есть основания полагать, что эти обстоятельства послужили одной из причин выбора показателя одушевлённости в приведённом контексте.

В следующем примере также можно наблюдать передачу автором сообщения специфичного знания:

(10) *Комитет по культуре администрации Иркутской области (Государственный заказчик) приглашает юридических лиц принять участие в открытом конкурсе на право заключения государственного контракта (договора) на поставку звукового оборудования для Иркутского областного театра кукол «Аистёнок». Организатор конкурса: Комитет по культуре администрации Иркутской области. Время проведения конкурса: 10 часов (время иркутское) 6 августа 2003 года* (Конкурс на поставку звукового оборудования для Иркутского областного театра кукол «Аистенок» // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 28.06.2003).

Здесь тоже можно видеть, что речь идёт о конечном множестве конкретных, хотя и не называемых в тексте организаций, которые могли бы принять участие в конкурсе. Для уточнения содержания сообщения также будет

задан вопрос: «Кого приглашает заказчик?». Сочетание *юридические лица* в том значении, в каком оно употреблено в анализируемом контексте, подразумевает возможную позицию субъекта пропозиции или грамматического подлежащего: *Юридические лица могут принять/принимают/приняли участие в конкурсе на право заключения государственного контракта*. Номинация в приведённом примере оформляется адресантом для актуализации специфического знания (другие компоненты этого вида знания, такие как наименование заказчика, время, место, в тексте выражены эксплицитно), поэтому избирается грамматический показатель одушевлённости.

Таким образом, можно видеть, что для непрототипического случая соотношения грамматической одушевлённости с представлением о живом/неживом объекте речи выбор показателя одушевлённости говорящим определяется несколькими факторами, среди которых вхождение в ряд однородных членов с тем или иным показателем одушевлённости и позиция актанта при глаголе, предполагающая ту или иную степень субъектности.

Важным обстоятельством представляется и вид актуализируемого в контексте знания. Совместная встречаемость этих признаков (вида знания и значения категории одушевлённости) в проанализированных контекстах статистически значима (хи-квадрат, $p < 0,01$), что позволяет говорить о том, что между ними есть связь. Контекст, в котором актуализируется кодовое знание, как правило, включает сочетание *юридическое лицо* с грамматическим значением «неодушевлённое», контекст со специфичным знанием предполагает употребление этого сочетания с грамматическими показателями одушевлённого.

Заключение

В тех случаях, когда говорящему необходимо выбрать показатель грамматической одушевлённости для непрототипического случая номинации (например, организации, состоящей из людей и в ряде ситуаций проявляющей себя как субъект с правовой и юридической точек зрения), в узусе можно встретить примеры, свидетельствующие о том, что могут быть приняты разные решения. Такие примеры можно наблюдать при употреблении сочетания *юридическое лицо*, которое является результатом метафтонимического переноса, обозначая при этом неживой объект действительности.

Говорить о нарушениях нормы одними говорящими в этом случае неправомерно, поскольку норма не зафиксирована авторитетными словарями. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что предпочтения в выборе того или иного показателя одушевлённости для этого сочетания так или иначе связаны с характеристиками контекста, поскольку различия в других параметрах коммуникативной ситуации выявить не удалось.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о подтверждении выдвинутой гипотезы: установлено наличие связи между передаваемым автором сообщения видом знания и выбором показателя одушевлённости для сочетания *юридическое лицо* в тексте сообщения делового медиадискурса. Кроме незначительного числа случаев свободного варьирования при употреблении этого сочетания, можно говорить о проявившейся достаточно устойчивой тенденции: при активации знания кода в форме множественного числа адресант предпочитает винительный падеж, совпадающий с именительным (грамматическое значение неодушевлённости), при актуализации специфического знания выбор говорящего чаще падает на показатели винительного падежа, совпадающие с окончаниями родительного (значение одушевлённости).

Возможно, эта закономерность наблюдается только в случаях реализации категории одушевлённости, осложнённых переносным значением опорного слова в словосочетании и отсутствием фиксации значения этой категории в словарях, только в определённых видах дискурса, но не исключено, что связь значений этой и других грамматических категорий русского языка с видом передаваемого знания может быть обнаружена и в других ситуациях.

Перспективой дальнейших исследований в этой области видится изучение связи выбора значения категории одушевлённости для непрототипических случаев с другими видами актуального знания, которые говорящий считает коммуникативно значимыми в конкретном контексте.

Источники | References

1. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971.
2. Виноградов В. А. Одушевлённости - неодушевлённости категория // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Володин А. П. О функционально-семантическом поле одушевлённости/неодушевлённости // Исследования по языкознанию. К 70-летию чл.-корр. РАН А. В. Бондарко / под ред. И. В. Недялкова. СПб., 2001.
4. Граудина Л. К. Вариантность // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003.
5. Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Наука, 1985.
6. Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005.
7. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2018.
8. Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.

9. Солнцев В. М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
10. Фролова О. Е. Живое и неживое в устойчивых сравнениях // Русская речь. 2014. № 6.

Информация об авторах | Author information

RU**Буторина Елена Петровна¹**, д. филол. н., доц.¹ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва**EN****Butorina Elena Petrovna¹**, Dr¹ Russian State University for the Humanities, Moscow¹ butorinaelena@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.11.2022; опубликовано (published): 30.12.2022.

Ключевые слова (keywords): категория одушевлённости; деловой медиадискурс; кодовое знание; специфичное знание; русский язык; animacy category; business media discourse; code knowledge; specific knowledge; Russian language.